

Художники октябрьского поколения

Б. Н. Ливанов

Бондezen, Кимбаев и Ренн

Существует старое убеждение, что каждый актер имеет свое «естественное» амплуа. Это предрассудок, основанный на ограниченном понимании самой сущности актерского мастерства. Может быть не совсем правы те, которые утверждают, что актер может играть любую роль, создавать любую психологическую тональность. Таких актеров неограниченных возможностей не бывает. Но правда в том, что каждый актер имеет свой круг характеров, образов, в трактовку которых он вкладывает весь свой темперамент, весь свой пафос художника.

Я начал работать на театре в годы гражданской войны. Сначала ученик А. П. Петровского, затем актер бывш. Четвертой студии МХТ, где я работал под руководством Н. В. Демидова, посещая одновременно и театральную школу при МХТ, которой руководил тот же Н. В. И., наконец, работа в составе коллектива МХТ I.

В течение десяти лет моего пребывания в МХТ мне пришлось переиграть множество ролей как в современных советских пьесах, так и в пьесах русских и западных классиков. Говорить о каком-то излюбленном характере, который я предпочел бы всем остальным, очень трудно. Но некую главную линию в моих художественных исканиях, какое-то определенное тяготение к образу, который наиболее сродни моему темпераменту актера поколения, строящего социализм в нашей стране, найти можно.

Я ищу образ, в котором наиболее многогранно и полнокровно был бы воплощен положительный молодой герой нашей эпохи. Это не значит, что всегда я именно этих положительных героев играл и играю. Но даже в классических пьесах, в трактовке образов, в подчеркивании отдельных черт я пытался отобразить наше отношение к этим людям, наше понимание их жизни и характера. Я обычно стремлюсь к исполнению не меньше двух новых ролей в году — одна в современной, другая в классической пьесе. При этом для меня не существует непроходимой границы в толковании ролей классических и современных.

Несколько ролей в моем репертуаре можно было бы считать до известной степени этапными в моем пути к развернутому изображению подлинного молодого героя нашего времени. В «Утиловске» Леонова я исполнил роль Аполлоса. Я не совсем согласен с авторской трактовкой темы этой драмы. Провинциальный Утиловск — гнездо чеховских героев, перенесенных в наше время, написанных в каких-то трагических тонах, — не вмещается в нашей действительности. В своем исполнении Аполлоса я подчеркнула трагико-комедийные черты этого «героя», свое критическое отношение к нему. Эта роль имела свое несомненное значение для пути моего актерского развития. «Утиловск» при всех своих недостатках явился первой пьесой, в которой вместо схематических фигур на сцене двинулись и разговаривали живые люди.

В «Квадратуре круга» В. Катаева я исполнил роль Е. Черноземного. Это персонаж, органически не связанный с интригой водевиля. Его функция скорее интермедийного характера и дана автором для оживления действия. Однако я считаю, что каждый драматургический сюжет, и водевиль в том числе, является сколком живой действительности. Поэтому я искал наиболее мажорных, веселящих, красочных тонов в исполнении этой роли. Я Черноземного трактовал как человека, неопределившегося характера — поэта больше, чем спортсмена, и спортсмена там, где он «играет» как поэт.

Исполняя Бондezenа («У врат царства»), я прежде всего думал о сохранении основы спектакля, созданного задолго до того, как я начал работать в МХТ. Но все же я нашел необходимым уклониться от обычного гамсуновского понимания этого образа. Кнут Гамсун не скрывает порою своего положительного отношения к этому пер-

сонажу — биологически здоровому, беспардонному самцу, противопоставленному философу Ивару Кареню. Я не скрывал своего сатирического отношения к Бондезену, не стесняясь, издевался над ним. Гамсун, который не ставил перед собой особых социальных задач, являлся все же одним из наиболее социально значительных писателей современной Западной Европы. Не в смысле политических тенденций, а в смысле проникновения в сущность того буржуазного общества Норвегии, которое описывал Гамсун. Но момент биологический у Гамсуна очень часто преобладает над социальным. Он не создает социальных перспектив Бондезены на советской сцене немислимы вне такой трактовки, которая бы подчеркивала, что его биологическое здоровье отнюдь не является социальной добродетелью.

В «Отелло» я пытался создать образ Кассио не в обычных красках традиционного театрального «любовника». Я наделил его чертами бойца и стратега. Я старался создать образ мужественный, безукоризненно честный, беспредельно преданный. Таким образом я сделал значительно понятнее ненависть к нему со стороны Яго. Это была моя первая «проба пера» над Шекспиром.

В Кимбаеве («Страх»), одним из наиболее ярких образов на советской сцене, я старался воссоздать нового человека нашего поколения, не отягощенного никакими пережитками прошлого, воспринимающего жизнь со всей биологической свежестью представителя нового класса. Кимбаев, однако, не только человек, не растративший свежести чувств и темперамента. Он подлинный мыслитель, непосредственный участник социалистического строительства нашей страны.

В «Страхе» я имел возможность полнее, чем в ряде других пьес, продемонстрировать свое понимание положительного героя.

Последней по времени моей работой на сцене является образ кавалера Риппофрага в «Хозяйке гостиницы». Этот непосредственный здоровый характер я трактовал скорее в реалистических, чем в условных тонах. Приемы условности «comedia delle arte» (маска «капитана») использованы мною здесь только частично. Герой поставлен на совершенно реальную почву, почит как здоровый полнокровный персонаж реалистической комедии Гольдони.

Эта же линия поисков продолжается и в моей работе в кино. Я вообще считаю, что кино обладает (речь идет о будущем кинематографии) впечатляющими средствами гораздо более тонкими, многогранными, чем театр, и свою работу здесь я считаю не менее важной для себя, чем работу на театре. В Карле Ренне («Дезертир», реж. Пудовкин) я старался создать образ человека, которого бесконечная жадность к жизни заводит в тупик. Проходя через ряд «случайностей», он обретает, наконец, свое социальное место, свое социальное понимание окружающей действительности и находит выход из тупика.

В «Анненковщине» (реж. Берсенева) я исполняю роль белогвардейского атамана Анненкова. Наиболее полное звучание этот образ (хит-

Филиал МХТ им. Горького.
«Хозяйка гостиницы».
Ливанов — кавалер

рого, властного, умного белогвардейца человека сильной воли, не отступающего ни перед чем) получил бы, если бы ему был противопоставлен в картине достаточно яркий социальный антипод — воплощение всех противоположных анненковским психологических и социальных черт. Но, к сожалению, такого образа в фильме нет.

В «Медя» (реж. Столпер, фильма будет выпущена на экран в ближайшем будущем) я играю инженера Арроусмидта, изобретателя флотационной машины, которая в условиях капиталистической действительности оказывается никому не нужной. Ее хотят у него приобрести только для того, чтобы уничтожить. Арроусмидт отказывается уничтожить свое изобретение, его изгоняют из университета и объявляют «большевиком». Он уезжает в СССР, где находит подлинную родину и отдает свое изобретение в распоряжение советского государства. Я старался создать образ человека сильной воли, яркой творческой одаренности, но социально дезориентированного. Путь Арроусмидта — путь социального прозрения, это ведь подлинный путь, проделанный многими и не худшими представителями нашего поколения. Много черт в характере этих людей роднит их с подлинными героями нашего времени.

Таким образом и в своей работе на театре, и в кино, и в качестве художника-оформителя («Наша молодость», Малая сцена МХТ и «Время, вперед!» в бывш. театре Корш) я никогда не являлся актером одного характера и единственного образа. Но всегда создавая героя непосредственно или определяя свое отношение к его антиподу, я имел в виду молодого человека нашего поколения.